Текст · 11 февраля 2025, 16:40
Елизавета Нестерова,

«Своих детей вы воспитать не смогли». Судья военного суда отчитал родителей братьев Мельниковых, обвиняемых по делу о госизмене и диверсии

10 февраля во 2-м Западном окружном военном суде в Москве начали рассматривать дело против троих молодых людей из Подмосковья: 19-летнего Юрия Михеева и 20-летних братьев-близнецов Тимофея и Матвея Мельниковых. Их обвиняют в покушении на диверсию группой лиц с тяжкими последствиями[1], а братьев Мельниковых еще и по статьям о госизмене[2] и участии в деятельности[3] легиона «Свобода России».

Сегодня в суде прошел допрос их родителей — Татьяны и Константина Мельниковых, который судья Игорь Никитчук фактически превратил в чтение нотаций по поводу плохого воспитания сыновей. Он также намекнул, что Татьяну Мельникову, которая занимает должность замдиректора школы, наверняка «попросят» с работы после того, как суд вынесет приговор. «Медиазона» с некоторыми сокращениями публикует расшифровку этих допросов.

---

1. Часть 1 статьи 30, пункты «а» и «в» части 2 статьи 281 УК.
2. Статья 275 УК.
3. Статья 205.5 УК.

«Вы понимаете, как может складываться ваша жизнь в случае признания их виновными?». Допрос матери

Перед началом рассказа о сыновьях Матвее и Тимофее Татьяна Мельникова называет свой домашний адрес в подмосковном Дмитрове, но пропускает вопрос о месте работы, а после говорит, что работает замдиректора в «местной школе».

— Вы так говорите в «местной», как будто суд знает все местные школы в Дмитровском районе. Вы же не уборщиком работаете, вы замдиректора, назовите правильно название школы, — раздражается судья Игорь Никитчук и просит подробнее отвечать на вопросы. — Вы являетесь матерью, как говорите.

Мельникова тихо называет школу.

Адвокат просит рассказать о «состоянии здоровья ребят» и «психологических особенностях, которые имеют значение для принимаемого судом решения». Женщина начинает объяснять, что с раннего детства ее сыновья «много времени проводили в стационарах, в санаториях», потому что у них были проблемы с «дыхательной системой», а в подростковом возрасте им «поставили предварительный диагноз[1], который влияет на восприятие действительности».

— А другими словами? — вмешивается судья.

— Они не обследованы до конца, потому что полноценного обследования до 17 лет...

— В чем заключается заболевание?

— В специфическом восприятии... Это до конца не обследованный вопрос...

—[То есть] не можете утверждать...

Адвокат попытался вернуться к теме, что заболевание влияет на восприятие окружающей реальности.

— В общедоступных ресурсах, источниках данных [о людях с таким диагнозом сказано], что они подвержены влиянию, что они внушаемые, что у них поверхностное отношение, манипулятивность. Там еще и генетически-наследственные особенности, — пытается описать Мельникова. Она говорит сбивчиво и так тихо, что в зале ее едва слышно.

— Мы изучали как раз до вашего прихода... Государственный обвинитель зачитывал заключение экспертов, комиссии экспертов психиатров, вы эти особенности имеете в виду? — перебивает судья.

Женщина путанно начинает объяснять, что после ареста экспертиза проводилась «на юридическом уровне», а не медицинском.

— Скажите, пожалуйста, как вы характеризуете отношение ребят к действующему политическому строю, к власти в целом, государству Российской Федерации? Какое отношение было? Как формировалось? Какое участие вы принимали — в каких воспитательных мероприятиях они участвовали? Как в последующем шло все это дело? — возвращается к допросу адвокат.

— Дети с детства отличались крайней любознательностью. Учитывая их интерес к истории, мы регулярно посещали музеи, участвовали в мероприятиях в рамках возраста, когда появилась акция «Бессмертный полк», мы, чтя семейные традиции, сразу... — начинает рассказывать Мельникова.

— Хорошо, Татьяна Викторовна, это все понятно, молодцы, хорошо все, — снова перебивает женщину судья Никитчук. — Вы скажите суду, как они попали на скамью подсудимых с настолько тяжелейшим обвинением? Вот это особенно интересно. То, что они хорошо под вашим контролем делали, это понятно.

— Ну вот все последнее время, когда ребята уже в колледж поступили и прочее... Мы продолжали сбор материалов и в нашей семье и продолжали регулярные наши поездки по местам боевых действий...

— Каким местам боевых действий, хочется спросить? — вмешивается судья.

— Ездили в Смоленск на раскопки, в Москве были, на Покровку ездили, были в музее исторической памяти...

— Это когда было?

— Ну вот последние разы в 2023, в 2022 году...

— Я вас еще раз спрашиваю. В 2023 году в ноябре их задержали при совершении диверсии против российской армии в пользу воюющего с нами государства. В государственной измене обвиняют, в организации, запрещенной на территории Российской Федерации. Вы нам расскажите, как они к этому пришли. Потому что то, что вы говорите, как-то не вяжется с этим. Может, как-то не по тем местам боевой славы ходили? — напирает судья Никитчук.

— Нет, на самом деле, мы тоже, мягко говоря, совсем не ожидали, что так все будет. Потому что никаких предпосылок не было, мы с папой сделали все возможное, что зависит от нас. У нас не укладывается в голове, учитывая, где мы работаем, чем мы занимаемся...

— Ну один в Смоленске был[2], понятно. Второй вообще при вас был[3], который больше всех активничал в этом вопросе, — замечает судья.

— Ну он с папой всегда на учебу ездил в электричке. Мы всегда на телефоне были, были на связи с Матвеем, ни о каких подобных...

— Контролировали как-то телефон его, переписки, может, какие-то?

— В 19 лет мы уже как-то отпустили ситуацию. Это, наверное, было как-то неправильно... Мы обсуждали, не было никаких предпосылок, чтобы не доверять...

— Откуда они взяли, что они, [как сказано в материалах дела], этнические украинцы?

— Я не могу даже сказать... Потому что мы храним копии свидетельств всех наших бабушек, дедушек... У всех нас в свидетельстве о рождении написано, что мы русские. Не знаю, по какой причине это стало фигурировать...

— В этом нет ничего страшного, были и были. Но почему они заболели вот этим вирусом каким-то непонятным? — спрашивает судья.

— Не могу сказать, могу только предположить, что в определенный период, незадолго до всех событий... Третьи лица, которые сейчас [часто так делают], это страшно, влияют на психику подростков определенным образом...

— Мы уже исследовали доказательства обвинения, и имеется достаточно доказательств, что инициаторами были все-таки ваши дети, а не спецслужбы Украины. Вы знали, что они собираются уехать на территорию Украины, чтобы воевать там против России?

— Нет.

— А потом узнали? Ну понятно.

Накануне прокурор зачитал обвинительное заключение. Из него следует, что Юрий Михеев, Тимофей и Матвей Мельниковы придерживались «праворадикальных и фашистских взглядов» и были завербованы спецслужбами Украины. Юрия Михеева и Матвея Мельникова задержали 10 ноября 2023 года, а Тимофея — через 12 дней. С тех пор они находятся под арестом.

Согласно обвинению, они «планировали совершить поджог военных транспортных средств и других военных объектов, находящихся на территории воинской части в Дмитровском районе Московской области, осуществив сбор информации об их нахождении» с помощью спутниковых карт. Собранную информацию, по мнению обвинения, молодые люди сообщили «куратору» от легиона «Свобода России», который представился им Владом — на связь с ним вышли братья Мельниковы, а затем привлекли к делу Михеева. Все трое признали вину.

Один из свидетелей обвинения рассказал, что до попытки устроить диверсию в воинской части молодые люди следили за сотрудником ФСБ в Лобне, чтобы заминировать его автомобиль.

После вопросы снова задает адвокат. Он спрашивает, продолжает ли она общаться с сыновьями, и как они теперь относятся «к содеянному».

Юрий Михеев и братья Мельниковы. Фото: SOTAvision

— Да, конечно. Мы с папой были на всех заседаниях суда, мы с ребятами общаемся по переписке, в письмах. С разрешения следователя созванивались, были на свиданиях. Конечно, они раскаиваются. Из последнего, со стороны следствия было предложено, чтобы подтвердить свою позицию, надо поучаствовать в съемках фильма в общественно-полезных целях. Чтобы предупредить ребят их возраста о том, что есть определенные риски, опасности, что это очень актуально сейчас...

— Какой фильм? — спрашивает судья.

— Не фильм, может, телесюжет. Нам не сообщал следователь, у нас нет пока информации — от какого телеканала. Но то, что это было, в СИЗО к ним пропускали, ребята об этом сказали.

— О чем это говорит?

— О том, что их позиция изменилась...

— Ну, мы пока этого не слышим.

— Но...

— Посмотрим, — вздыхает судья.

— Татьяна Викторовна, вы знаете, в чем они обвиняются? Знаете, да? Или вам напомнить? Давайте я напомню, — убедившись, что у других сторон вопросов больше нет, судья Никитчук берется расспрашивать мать обвиняемых самостоятельно.

Вероятно, в этот момент Татьяна Мельникова едва сдерживает слезы, потому что судья безучастно добавляет: «Вы уже не убивайтесь, потому что все, что было плохое, оно уже все закончилось».

— Сейчас мы тут уже занимаемся рассмотрением этого дела о причастности, непричастности. Ваши два сына обвиняются в том числе в государственной измене. Вы знаете, что такое государственная измена? — спрашивает он.

— В общих словах... — отвечает женщина.

— Ну вот у нас есть как бы... Ну, я имею в виду, так сказать, у нормальных людей — не хочу обидеть кого-то. У всех людей есть две такие гордости, что ли, я не знаю, две такие самые близкие [вещи]... один человек, а второе — это Отечество. Мать и Отечество. Вот они предали Отечество. Если они предали Отечество, второй шаг, вы знаете, какой. Тем более они, как следует из всех материалов дела, собирались уехать на территорию Украины, даже дату обозначили — 3 января 2024 года. Уехать воевать против России, против вас — вы гражданка России, правильно? Вы же родились и выросли в России, вы учились и работаете в России. Они хотят воевать против вас, против Отечества. Собрались. Не ставя даже вас в курс дела! Вы же говорите, вы знать не знали. Вот проснулись бы вы 4 января 24-го года, а их нет. И узнали бы, что они... Тяжело это, но тем не менее. Вот как бы вы на это реагировали? — судья надолго замолкает. — Риторический вопрос, неправда ли? Не надо на него отвечать, да. Все-таки меня волнует, потому что возраст у них, скажем так, еще не очень большой,

и неужели вы не могли чувствовать их настроение, настроение антироссийское, проукраинское? Мы читали протоколы осмотров телефонов, туда страшно смотреть, что они там переписывались, какие картинки у себя сохраняли... А вы почему не увидели, почему не пресекли?

— Они с нами это не обсуждали, и картинки мы никакие не видели, мы в целом обсуждали как раз все текущие события с позиции России, — тихо говорит Татьяна Мельникова.

— Я просто вынужден спросить вас, а вы сами кого поддерживаете? — спрашивает судья.

— Я поддерживаю, я поддерживаю ту политику, которой придерживается государство, я работаю в государственном учреждении, где я занимаюсь воспитанием детей в рамках определенных... ценностей. Здесь не может быть сомнений, — говорит мать обвиняемых.

— Все-таки вынужден спросить, всякое бывает в жизни, — снисходительно замечает судья Никитчук.

— Не было даже намеков, чтобы он что-то нам сказал об этом. В конце лета у Тимофея был долг по дисциплине [в вузе]. Тимофей более закрытым стал, но мы это связывали, что переживание относительно того, что надо сейчас придется ехать в Смоленск и сдавать долги. Если бы нам показалось, мы бы сделали все возможное, потому что с точки зрения нашего опыта жизненного, мы можем критически относиться к ситуации, которая может привести к тем или иным последствиям. Я считаю, что все

переписки и общение — это все из серии ребячества, попробовать и посмотреть, что будет дальше. И в какой-то момент, как я для себя это понимаю, все зашло настолько...

— Ну, вы же понимаете для себя, что в случае признания их виновными в тех статьях, в которых обвиняются, ну, я не знаю, как дальнейшая жизнь их может складываться. Да что их, они сами себе решили, а как ваша жизнь будет складывается? Вы думаете, что после того, как ваши дети совершили государственную измену, диверсию и участие, ну, это террористическая статья — 205-я, вы думаете, вы останетесь на своем рабочем месте? Я думаю, что нет. Правоохранительные органы вас попросят, наверно. Ну, отстранят, скажем так, от воспитания детей, если вы своих детей воспитать не смогли в нужном русле. Мужу вашему тоже испортят. Уже испортили. Вы понимаете то, что рассматриваться будет уже везде, на карандаше уже все они давно-давно стоят. Вы же понимаете, наверное, это? Должны понимать? Если бы им было хотя бы по 25 [лет], я бы, наверное, уж не задавал бы, а все-таки они чуть-чуть из совершеннолетнего возраста вышли.

Судья Никитчук заканчивает допрос матери подсудимых. Татьяна Мельникова возвращается на свое место и начинает плакать.

«Очень-очень тяжелое, тяжелейшее деяние. И именно вашим детям это предъявлено». Допрос отца

После этого в зал вызывают отца Матвея и Тимофея Константина Мельникова. Он держится немного бодрее жены и первым делом говорит, что может охарактеризовать сыновей, как добрых, нормальных и веселых людей.

— Единственная, наверное, такая черта, что внушаемость. Это присутствует, — добавляет он.

— Чем это обусловлено, скажите, пожалуйста? Вот ваша супруга тоже говорила, что они внушаемы. Как вы узнали, что они чем-то внушаемые? — тут же вмешивается судья Никитчук.

— Ну, были периодические разговоры на тему там что-то где-то сказали. Мы периодически проводили, разговаривая снова насчет так, не так.

— Обсуждали вы специальную операцию, проводимую Российской Федерации на территории Украины, с сыновьями? — спрашивает судья.

— Ну, обсуждали в плане того, что изначально я поддерживал всю эту операцию. И доносил это... — начинает отвечать Константин Мельников.

— Изначально, а потом?

— Ну, я и сейчас поддерживаю.

— Ну а что доводили? — снова интересуется Никитчук.

— Ну... Такой вопрос. Ну, то, что мы ведем правильную политику, — теряется мужчина.

— Они вас услышали?

— Ну, судя по тому, что... где они сейчас находятся, частично нет.

— О какой тогда внушаемости вы говорите? Если вот они... отец говорит, а они либо не верят, либо что-то свое... Какая внушаемость?

— Ну, видимо, так получилось, что не смог донести...

— А вы пытались? — иронично спрашивает судья Никитчук.

— Пытались. В разговоре пытался, конечно.

После этого адвокат Мельниковых спрашивает уже у отца обвиняемых, продолжает ли он с ними общаться и «какое их отношение к произошедшим событиям».

— У нас звонки и личные встречи по согласованию с судом. Из того, что я сейчас вижу, и из тех разговоров, что у нас происходят, они раскаиваются в том, что приключилось. Также хочу отметить, что они активное участие приняли в съемке фильма для того, чтобы донести до других, что они совершили большую ошибку.

— Ну, Константин Владимирович, перед вами они, как перед родителями, раскаиваются, — снова вмешивается судья Никитчук. — В суде пока этого не прозвучало. Пока только признали вину, и то вчера у нас какой-то из ваших сыновей, Матвей, уже немножечко поменял свою позицию.

— Зачем? Может, чего-то недопонял? — недоумевает мужчина.

— Не знаю, не знаю. А признаются ли? Раскаиваются ли? Когда, [бывает, люди тут] искренне раскаиваются, а когда то, что для галочки говорят, что раскаялись. Все очень хорошо видно вот с этого места, — судья Никитчук громко стучит по столу ручкой. — Поэтому, ну, пока нет. Ну, продолжайте, продолжайте, пожалуйста.

Адвокат начинает спрашивать и у Константина Мельникова об «этнической принадлежности к украинской нации».

— К украинской [национальности] у нас никакого отношения не было, потому что наши все родственники поволжские россияне. Вот откуда такая взялась информация, я не могу сказать.

— Вы вообще в Тбилиси родились? — уточняет судья.

— Я в Тбилиси родился, — подтверждает он.

— Ну, мы еще не допрашивали их. Будем спрашивать. Дотошно будем спрашивать, — обещает Никитчук.

Константин Мельников снова повторяет, что никаких украинских корней у них нет.

— Может, не очень глубоко копали, а они докопались куда-то поглубже? — иронизирует судья. — Ну, 50% себе приписывают ваши дети, что они украинцы.

— Я не знаю, откуда такая информация. Может, опять же, от внушаемости.

— Ну, вас послушать... А я сейчас буду вам внушать, что вы армянин, и вы скажете: «Ну да, наверное»? — усмехается судья. — Ну это ж, вы понимаете. Причем здесь внушаемость, тут уж если сам не захочешь такого, то кто тебе внушит? Уж национальность, тем более.

— Хорошо, не будем вас изнурять вопросами, — завершает судья Никитчук, уточнив, хотят ли стороны еще что-то спросить у отца Мельниковых.
— Понимая ваше психическое, психологическое состояние и детей на скамье подсудимых и по такому тяжелейшему, очень тяжелейшему... Три статьи, все особо тяжкие. Одна предусматривает пожизненное лишение, по-жиз-нен-ное. Вы понимаете, что законодатель так просто пожизненно ну, не ставит за совершение какого-то деяния. Здесь 275-я статья — государственная измена. Очень-очень тяжелое, тяжелейшее деяние. И именно вашим детям [это обвинение предъявлено]. [Подсудимый] Михеев тут полегче: всего лишь диверсия, всего лишь приготовление.

Обновлено 8 сентября 2025 года. *Уточнен предварительный диагноз братьев Мельниковых.*

Редактор: Анна Павлова

1. У братьев Мельниковых подозревали синдром Клайнфельтера — генетическое отклонение, которое обычно выявляется лишь после полового созревания. Дети с таким диагнозом могут испытывать

трудности в учебе и выражении собственных мыслей, у некоторых снижен интеллект.

2. Тимофей проживал в Смоленске, где учился в медицинском институте.

3. Матвей учился в МГТУ имени Баумана в Москве